

Моему сыну Женечке посвящается

Рождественская история, похожая на сказку
Всем, кто еще верит в любовь!

«Я увидела голубоглазого золотоволосого бога — и все было кончено...»

Здесь она взяла небольшую, но эффектную паузу. Изменила позу, слегка облокотилась на спинку стула, поправила кокетливым жестом волосы и улыбнулась. Улыбнулась очаровательно и торжествующе, как могла улыбаться только одна из самых знаменитых, самых успешных и, уж бесспорно, самых красивых женщин страны.

«Когда они встретились, ему было тридцать, ей — на год больше. Оба зрелые, сложившиеся личности, с яркой и непростой судьбой. Он недавно развелся и тяжело переживал разлуку с восьмилетним сыном Дугласом, названным так в честь голливудской звезды Дугласа Фербенкса. А у нее шел к закату бурный роман с некой загадочной личностью, австрийским бизнесменом. Каждый вечер после спектакля к служебному входу музыкального театра подкатывал черный «Мерседес» последней модели, и она уезжала, чтобы вновь и вновь окунуться в вихрь ночной светской жизни...»

Небольшая пауза. Перед глазами яркой чередой пронесли, точно фрагменты клипа, шикарные автомобили, туалеты от лучших кутюрье мира, меха на обнаженных пле-

чах дам, блеск бриллиантов, ослепительные улыбки знаменитостей, вспышки фотокамер... Она сглотнула, перевела дыхание и вновь заговорила:

«Но в тот весенний вечер, когда они впервые увиделись, прошлое было забыто раз и навсегда. С этого мига у каждого из них началась новая жизнь, которую они уже не представляли друг без друга. На следующий день они вместе отправились в Большой театр на торжества, посвященные юбилею невероятно популярного в те годы тенора Леонида Собинова. После концерта и банкета они до рассвета бродили по Москве, говорили, говорили и никак не могли наговориться... Была теплая майская ночь, они шли рядом по пустынной набережной Москвы-реки, изредка встречаясь с такими же парочками... Вам ничего не напоминает эта сцена? Ну, конечно же! Через много лет она повторится на экране, в столь любимом россиянами фильме «Весна». Правда, режиссер там будет другой, его роль исполнил блистательный Николай Черкасов. Зато актриса — та же самая...»

Она улыбнулась, вновь перевела дыхание и бросила взгляд на часы. Отлично, все идет по плану, она не выбилась из графика. Значит, можно не торопиться.

«Григорий Васильевич очень боялся, что Любовь Петровна не примет предложения сыграть главную героиню в его новом фильме, сочтет роль, да и саму картину слишком легкомысленной. Он долго не осмеливался заговорить об этом, рассказывал о своих планах отстраненно, словно они не имели никакого отношения к ней. А когда все-таки

решился, она действительно взглянула на него не только с изумлением, но и с сомнением...»

На лице говорившей тоже появилось скептическое выражение. Впрочем, не только скептическое. В нем были и удивление, и радость, и тень сомнения, и надежда на будущий успех — все то, что переживает актриса, когда ей предлагают новую роль.

«Но она согласилась! Правда, не сразу и подчеркнув: «Я чувствую, что мы часто будем спорить. Это не мешает работе?» — «Конечно, нет! — поспешил заверить ее режиссер. — Ведь, как гласит старинная мудрость, только в спорах рождается истина».

Так возник самый знаменитый творческий дуэт советского кино: Григорий Александров и Любовь Орлова. А дальше начались съемки, их первая, но далеко не последняя картина. Тогда же началась и семья, потому что, приехав в Гагры, влюбленные почти сразу поселились вместе — чтобы больше не расставаться никогда. В следующем году, сразу после выхода на экраны «Веселых ребят», Орлова и Александров поженились...»

Рассказ лился плавно, молодая женщина у микрофона говорила легко, не сбиваясь и почти не заглядывая в лежащие перед ней распечатанные страницы. Ей это было ни к чему — она и душой, и телом находилась там, в своей истории, почти полностью преображаясь в свою героиню, играла Любовь Орлову голосом, интонациями, мимикой, жестами, позами, всей своей натурой. Даже в ее лице каким-то непостижимым образом появилось сходство с актрисой. И никакие досадные мелочи, вроде тихого шороха за сте-

клянной перегородкой, не в силах были помешать. Там, помимо операторов, сидело еще двое посторонних слушателей, но сейчас ее это совершенно не интересовало. Она продолжала свою историю:

«За всю долгую, более чем сорокалетнюю, совместную жизнь супруги так и не перешли на «ты». Обращения «вы, Любочка» и «вы, Гриша» в их устах звучали как особое проявление любви, основанной не только на привязанности, но и на безграничном уважении друг к другу...»

Время в студии летело быстро, запись шла гладко, как по маслу. Сидевшая у микрофона молодая женщина улыбалась и грустила, радовалась успехам и преодолевала трудности вместе со своей героиней, старилась и отчаянно боролась за уходящую молодость и красоту... И сама не заметила, как история плавно приблизилась к завершению.

«...После смерти Григория Васильевича деятели культуры заговорили о том, что на той самой даче во Внукове, принадлежавшей знаменитым супругам, надо сделать музей Орловой и Александрова. Увы, этому замечательному плану не суждено было сбыться... Квартиру и дачу продали, а бесценный архив первой советской кинозвезды выбросили на помойку. Старожилы подмосковного поселка помнят, как приходили на эту свалку, пытаясь спасти альбомы, фотографии, книги и письма, — но вскоре архив, который Любовь Петровна старательно собирала всю свою жизнь, сожгли во время, как это называлось, «санобработки». А дача теперь сдается в аренду. Первое время там еще сохранялся интерьер, так тщательно и с такой любовью продуманный хозяйкой. Но со временем

мебель пришла в негодность, ее заменили, а в помещениях сделали евроремонт. И теперь единственное, что напоминает о бывших владельцах дома, их необыкновенной судьбе и необыкновенной любви, — это забытый в кладовке портрет Орловой, пробитый чьим-то каблуком...»

В голосе, произносящем последние слова, звучали слезы. словно не ведущая заканчивала передачу, а великая актриса и великая женщина оплакивала в этот миг трагический финал своей звездной жизни.

Та, что сидела у микрофона, вздохнула, вытерла повлажневшие глаза бумажным платочком и бодро закончила:

«С вами была Ирина Боброва, ведущая передачи «Легенды любви». Встретимся на следующей неделе, двенадцатого ноября. Будьте счастливы, любите и будьте любимы!»

— Отлично! — крикнули из операторской за стеклянной перегородкой.

Свет, падавший на распечатку текста, потух. Молодая женщина в кресле перед микрофоном замолчала и как-то тоже погасла. Она вышла из образа и мгновенно превратилась из звезды русского кино, красавицы, мечты нескольких поколений советских мужчин в скромную сотрудницу популярной радиостанции. Теперь это была самая обычная женщина лет тридцати пяти, среднего роста, слегка склонная к полноте и внешне ничем не примечательная. Она сидела, опустив голову, уставившись невидящим взором в лежащие перед ней листы, и чувствовала себя опустошенной.

— Умница, Иришка, просто умница! — прозвучал знакомый бас Федора Борисовича Ривкина, которого весь дружный коллектив радиостанции за глаза и в глаза назы-

Олег Рой

вал не иначе как «наш ФБР». Это было ласковое прозвище. На «Маяке» зама главного любили и уважали. Да и не только здесь. Многие редакторы и ведущие на престижных радиостанциях с гордостью называли себя учениками Ривкина.

— Молодчина, отличная передача получилась. — ФБР, тяжело опираясь на массивную трость с набалдашником, не без труда поднял свое грузное тело со стула за перегородкой и шагнул к Ире.

— Спасибо, Федор Борисыч, вы всегда так меня хвалите... — смутилась Ирина.

— Было бы за что... — вступил в разговор второй гость студии, сухощавый мужчина с длинными волосами и в ярко-розовом галстуке, зачем-то пришедший на ее запись вместе с Ривкиным.

Ире его лицо показалось знакомым. Она присмотрелась... Ну, конечно же, это Иннокентий Туманов! Исполнитель романсов и песен из кинофильмов, так полюбившийся слушателям, а особенно слушательницам, где-то в семидесятые годы. Тогда это был тоненький кудрявый мальчик с огромными лучистыми глазами. С тех пор много воды утекло, кудри заметно поредели, на тоненькой фигуре выросло брюшко, не скрываемое никакой утяжкой, лучистые глаза потухли и обрели циничный прищур, романсы и лирические песни в репертуаре не обновлялись. Однако сходить со сцены Иннокентий Туманов не спешил. С упорством муравья лез во все теле- и радиопередачи, давал направо и налево интервью, где повторял, что «всегда шагает в ногу со временем». Он жаждал омолодить свою аудиторию,

ярко одевался, делал пластические операции, постоянно менял репертуар на более современный, даже рэп пытался читать. Но аудитория как-то не спешила омолаживаться. У поклонников рэпа были свои кумиры, а те, кто еще помнил Туманова, предпочитали слышать в его исполнении «Я вас любил», «Очарована, околдована» и «Снился мне сад в подвенечном уборе», а не какое-нибудь «Ну-ка, крошка, потрясемся немножко!».

— Вам, ребята, никогда не поднять рейтинг, — произнес Туманов, покачивая носком ботинка из имитации крокодиловой кожи. — Вечные сопли, сюси-пуси, охи-ахи... В наши дни это никому не интересно. Современной публике нужно совсем другое. Вы что, не знаете, что хаваает пипл?

Лукаво подмигнув Ире, чтобы она молчала, ФБР обратил на него заинтересованный взгляд.

— Думаешь, нам надо что-то менять? — спросил Ривкин, придав голосу озабоченную интонацию.

— Давно пора! — усмехнулся певец. — Вот взять хотя бы название передачи... Ладно бы еще было «Любовные истории» или «Женские истории», как по телевизору. А то — «Легенды любви»! Ну что это такое? И звучит странно.

— Почему странно? — Ира все-таки вступилась за свое детище. — Мы же говорим: «легенда спорта», «легенда музыки». Скажем, Элвис Пресли — легенда рок-н-ролла. А у нас рассказы о тех людях, чья история любви передается из уст в уста и стала легендой, понимаете?

— Да фигня это все! — поморщился Туманов. — Тебе, Ира, надо было бы рассказывать совершенно другое. Например, то, что Александров был геем и любовником Эйзен-

Олег Рой

штейна. Но только до тех пор, пока ходил у него в помощниках. Как только он снял собственный фильм, Эйзенштейн приревновал к его успеху, рассорился с ним в пух и прах и на просьбу помочь вывезти «Веселых ребят» на международный фестиваль ответил: «Ассенизатором не работаю, говно не вывожу...» Однако Александров скоро утешился с молодым артистом, забыл его фамилию... И оставался верен себе до конца дней. Его браки — и с Орловой, и, позже, с вдовой собственного сына — служили лишь прикрытием его истинных наклонностей.

Ира открыла было рот, но Туманов не дал ей и слова вставить.

— А Орлова! — продолжал он вдохновенно. — Ты из нее тут только что не святую сделала... Меж тем эта дамочка была любовницей Сталина, алкоголичкой и жуткой стервой, она пришла к своему успеху по трупам. Сколько людей предала, скольких погубила! Собственный внук называл ее «великой гадиной». Помешалась на проблеме вечной молодости, тратила уйму денег на косметику и пластические операции, даже документы подделала, чтобы ее считали моложе на пять лет. И к тому же — алчная, корыстная, на все готовая ради выгоды. А как она бравировала своим богатством! Кто ж не знает ее знаменитой жалобы, мол, бедная, несчастная, так хочется поехать на дачу во Внуково, а приходится лететь в Париж, потому что нужны новые перчатки! Неудивительно, что все вокруг ее ненавидели. Раневская, например, говорила, что у Орловой голос такой противный, точно кто-то ссыт в пустое ведро...

Вот что нужно рассказывать! Вот что делает рейтинг, собирает аудиторию. А пока ты будешь щебетать обо всех этих своих «златовласых богах», «Кошечках и Щениках» и «сфинксах на перстнях», тебя так и будут слушать только полторы домохозяйки...

От этого монолога ведущая Ирина Боброва покраснела до слез. Она даже не знала, за что ей было обидно больше — за свои передачи или за Орлову с Александровым.

— Это неправда, неправда! — почти закричала она. — Все, что вы про них говорите, — выдумки желтой прессы и сплетни грязных завистников! Орлова и Александров были идеальной парой и всю жизнь любили друг друга, а вы... вы просто...

— Погоди-ка, Ирочка, не волнуйся так. — Федор Борисович легко сжал ее локоть, заставив замолчать, и обратился к Туманову: — Милейший, а можно полюбопытствовать, откуда ты так хорошо знаешь содержание Ириных передач? Ведь про перстень со сфинксом — это было, если мне склероз не изменяет, в прошлом месяце, в истории о Тургеневе и Полине Виардо. А «Кошечка» и «Щеник», домашние имена Лили Брик и Маяковского, вышли в эфир на прошлой неделе, так, Ирочка?

— Так. — Она не удержалась и шмыгнула носом.

Туманов замялся:

— Ну-у... Бывает, иногда — едешь в машине, слушаешь... Все равно, пока стоишь в пробках, делать нечего...

— Частенько, получается, бывает? Не попсу, не шансон, не новости, а Ирочку слушаешь? Да еще и запоминаешь то,

что было месяц назад? А говоришь — аудитория в полторы домохозяйки... — Ривкин уже не прятал ухмылку.

Когда-то модный певец нахмурился и прокашлялся. Затем, согнув локоть, сдвинул рукав пиджака, продемонстрировав часы, по виду слишком дорогие, чтобы быть настоящими.

— Ты это, ФБР, зубы мне не заговаривай... У нас когда запись-то начнется? А то мне сегодня в «Останкино» еще, потом на прием в итальянское посольство...

— Да готово все! — крикнули из аппаратной. — Игору, ведущему, уже позвонили, говорит, к лифту подходит, будет с минуты на минуту.

— Ну, не буду вам мешать, — заторопилась Ира.

Собрала свои листочки, обменялась напоследок улыбками с ФБР (Туманов упорно не глядел в ее сторону) и вышла в коридор.

Шагая к лифту, она ссутулилась и зябко повела плечами. Как сегодня холодно! Радио «Маяк» размещалось на третьем этаже старинного семиэтажного здания по 5-й улице Ямского Поля. Помещение неплохо сохранилось и было не так давно отремонтировано, только вот вентиляция... Летом — жара и духота, а зимой — холод, даже в легкие морозы ни отопление, ни обогреватели не спасают. Вроде до зимы еще далеко, только середина октября, а уже такой колотун!.. Надо будет теплее одеваться на работу...

— Ой, Ирка, вот здорово, а я как раз тебя ищу!

Навстречу Ирине спешила женщина примерно ее лет, с вьющимися волосами, выкрашенными в медно-рыжий цвет, в не по сезону короткой замшевой юбке и сапогах-

ботфортах до середины бедра. Это была Алка Тетеркина, лучшая подруга Иры.

— Иренция, чего твой мобильный не отвечает, зарядить забыла, что ли? — поинтересовалась Алла, активно жестикулируя. Следуя собственным, самостоятельно разработанным критериям прекрасного, Алла носила на всех пальцах кольца с крупными поделочными камнями, и оттого ее движения всегда сопровождалась легким перестуком самоцветов и серебра.

— Я на записи была, отключила.

— Ну да, у тебя же сегодня запись!.. Отстрелялась уже?

— Только что.

— Счастливая, а мне еще с полчаса тут торчать как минимум... Еле покурить вырвалась. Слушай, дождись меня, хорошо? Важный разговор есть. — Алла многозначительно поглядела черными, густо подведенными глазами.

— Хорошо, я пока кофе с девчонками попью, — легко согласилась Ира. Спешить ей было некуда — дома все равно никто не ждал...

Небольшая комната для отдыха сотрудников оказалась забита под завязку. Диджей Машка, бухгалтер Катюша, менеджер по рекламе Леля и редактор Наталья Николаевна пили чай за столом и вели оживленную беседу, Танечка, секретарь главного, стояла в дверях, видно, забежала за чем-то, да так и осталась.

— И не говорите, девочки, прямо беда с этим кризисом... — Наталья Николаевна вздохнула и надкусила бутерброд с телячьей колбасой. — Вам-то хорошо, вы молоденькие... А я куда денусь, если меня уволят?

Олег Рой

— Ну что вы такое говорите! — ахнула добрая толстушка Катя. — Кто ж вас уволит, куда же без вас?

— И правда — нельзя так говорить! — Машка решительно тряхнула короткими кудрями. — Не знаете разве, что вы себя этим программируете на плохое? Помните, как наш ФБР на этот счет выражается: и говорить, и мыслить надо только позитивно!

— Ой, Машка, до позитива ли тут... — Таня прислушалась — не у нее ли в кабинете звонит телефон? — Только вот сейчас, перед тем как уехать, шеф решил, что у нас водителей многовато. Говорит, надо одного уволить...

— Только бы не Рината! — ахнула Леля и отчего-то покраснела.

— Ну, не Васильева же? У него двое детей, старший в этом году в школу пошел. А Ринат по крайней мере холостой. — Наталья Николаевна потянулась к заварочному чайнику и только сейчас заметила Иру. — Ой, Ирочка! Ты к нам?

— Ирка, привет, заходи! — Машка подвинулась, пропуская Ирину. — А то мы тут все о грустном да о грустном...

— Давай я тебе чаю налью, — захлопотала Катюша. — Или ты кофе хочешь? Вот, печенье бери, конфеты...

Ира не торопясь, с достоинством уселась, взяла поданную ей чашку, подула на горячий кофе, пригубила. Она словно не замечала, что все присутствующие смотрят на нее и явно чего-то ждут.

— Ириш, ну расскажи, что у тебя новенького? — не выдержала наконец Таня.

Та подчеркнуто равнодушно пожала плечами:

— Да ничего особенного. Вчера была с Никитой в Доме кино...

— Погоди, Иринка, я что-то забыла, — перебила Наталья Николаевна. — Никита — это который олигарх? Или из Газпрома?

— Ну что ж вы вечно все путаете, Наталья Николаевна! — Леля даже возмутилась. — Пора бы уже и запомнить! Олигарха зовут Егор, а из Газпрома — тот вообще Руслан. А Никита — это каскадер знаменитый, Никита Давыдовский... Ну, Ир, а дальше что?

Ира не спешила с продолжением, глотнула еще кофе, отправила в рот крекер. На лице ее сохранялось все то же безразличное выражение.

— Ну так вот, посмотрели фильм...

— А какой? — снова встряла редакторша и тут же сникла под возмущенными взглядами, обратившимися на нее с разных сторон.

— Да не помню, бред какой-то шизофренический, знаете, как сейчас модно — «кино не для всех»... Но не в фильме дело! Представляете — сидим мы после сеанса в баре, а справа, за соседним столиком, — Александр Домогаров!

— Ух ты! — хором выдохнули слушательницы.

— Неужто ты с ним закрутила? — скептически подняла бровь Машка.

— Увы, нет, — покачала головой Ирина. — Мы даже не познакомились. Так жаль! В жизни он еще интереснее, чем на экране... Ну так вот. Сидим мы, значит, с Никитой, болтаем, коктейли пьем, и тут вдруг входит... Кто бы вы думали?

Олег Рой

— Руслан? Егор? Олег? — посыпались предположения.

— Если бы! А то Вахтанг!.. Как увидел меня с другим, глаза заблестели... Ну, думаю, сейчас зарежет или меня, или Никиту. Они, кавказцы, народ горячий...

Рассказывая, Ира снова преобразилась, как недавно в студии. Распрямила спину, расправила плечи, порозовела и похорошела.

— И что же ты? — поинтересовалась Танюшка, переступив в дверях с ноги на ногу. Ей давно пора было вернуться на рабочее место, но разве ж можно уйти, когда тут такие интересные вещи рассказывают?

— Да ничего... — продолжала Ирина. — Поговорила с ним, кое-как успокоила. Объяснила, что женатые мужчины, да еще с детьми, для меня не существуют, и не надо мне больше звонить и подарки присылать, я все равно ничего не приму...

— Вот это ты молодец! — одобрила Леля.

А Катя спросила с придыханием:

— А Никита?

— А что — Никита? Взял меня под руку и увел. Отвез на своем джипе домой, конечно, напрашивался в гости, но я ни в какую...

— Что ж так? — В голосе Машки слышалось легкое ехидство.

Ира посмотрела на нее, как смотрят на человека, не понимающего самых элементарных вещей:

— Так у меня ж запись сегодня! Я себе за правило взяла — накануне ни-ни, никаких амуров, а то на другой день голова будет совсем не тем занята...

— Это правильно, — одобрила Наталья Николаевна. И, подумав, добавила мечтательно: — Хотя я бы на твоём месте, наверное... Если бы вдруг... А тут ещё Домогаров...

— Но это ещё не всё! — увлеченно продолжала сияющая, как рождественская елка, Ира. — Расстались мы с Никитой у подъезда, я поднимаюсь к себе, а на лестничной площадке стоит Егор! Представляете себе картину?! Вокруг охрана, он же шагу без секьюрити не ступит, вот с такущей охапкой роз! У меня первая мысль: «Как хорошо, что я Никиту не позвала в гости...»

— Ну и ну! — заахали слушательницы. — И что же?

— Да ничего... — Ира выразительно пожала плечами. — Цветы, так уж и быть, взяла, а самого отправила. Вы же знаете, с Егором у меня никаких отношений быть не может.

— Ирка, ну почему, почему? — недоумевала Леля. — Олигарх, да ещё разведенный, — что тебе ещё надо?

— Ну, допустим, развод-то ещё не оформили, — покачала головой рассказчица. — Да и разводится он с таким скандалом, вся желтая пресса об этом пишет... И к тому же, девочки, он страстный собачник, а вы знаете, я собак терпеть не могу. Фу! Никакая, даже самая великая любовь не заставит меня с ними примириться!

— Ириш, я готова! — В дверях показалась Алла в кожаной куртке. — Поехали?

— Да-да! — Ира поднялась. — Спасибо за кофе, девочки.

— А сегодня куда? — не сдержала любопытства Наталья Николаевна.